

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3972063>

УДК 327

Усманов С.А.

Усманов Сардорбек, Университет мировой экономики и дипломатии. 100007, Узбекистан, г. Ташкент, проспект Мустакиллик, 54. E-mail: SardorUsmanov@mail.ru.

Турецкий фактор на Ближнем Востоке

Аннотация. В статье освещены геополитические интересы Турции на Ближнем Востоке, отношения с мусульманскими странами, стабильность этого региона как необходимое условие для достижения геополитических устремлений. Рассматривается историко-географическое положение страны, и в этой связи активизация Турции на международной арене. Анализируется турецкий фактор в решении внешне- и внутривосточных вопросов, усилении геополитического влияния на ближневосточное пространство.

Ключевые слова: турецкий фактор, геополитическое влияние, внешнеполитические приоритеты, региональный игрок, модель умеренной силы.

Usmanov S.A.

Usmanov Sardobek, University of World Economy and Diplomacy. 100007, Uzbekistan, Tashkent, Mustakillik av., 54. E-mail: SardorUsmanov@mail.ru.

Turkish factor in The Middle East

Abstract. The article highlights the geopolitical interests of Turkey in the Middle East, relations with Muslim countries, the stability of this region as a necessary condition for achieving geopolitical aspirations. The author studies the historical and geographical position of the country, the activation of Turkey in the international arena. He focuses on the Turkish factor in solving foreign and domestic political issues of the country, strengthening geopolitical influence on the Middle East.

Key words: Turkish factor, geopolitical influence, foreign policy priorities, regional player, moderate power model.

История формирования турецкого государства как центра Османской империи во все времена свидетельствовала о неугасающих амбициях и приоритетах страны в утверждении национальных интересов в пользу сферы влияния на Ближневосточном регионе, стремлении к урегулированию внешнеполитических проблем, а также обеспечении гарантии безопасности на трансграничных территориях данного государства.

Историко-географическое положение Турции свидетельствует о скрещенности дорожных путей объединяющих Запад и Восток, Европу и Азию, а также полно-

правном владении страной проливом Босфор и Дарданеллы, что обеспечило стратегическое преимущество Турции в Средиземноморье.

Активизация Турции на международной арене под руководством Президента Эрдогана в последние годы свидетельствует об использовании имеющихся возможностей для внутривосточных реформ и внешних преобразований. Внешнеполитические приоритеты страны направлены на стабилизацию конфликтного потенциала в турецко-сирийских отношениях, в том числе в решении курдской проблемы. А на Ближнем Востоке созданы предпосылки для того,

чтобы взять на себя роль регионального лидера.

Усиление турецкого фактора на Ближнем Востоке стало приобретать ключевую роль, вызванную все большим нагнетанием регионально-этнического противостояния с Сирией. Лейтмотивом турецко-сирийских отношений стала доктрина государства под названием «ноль проблем с соседями» [1]. Ее предназначение состояло в достижении мирных договоренностей с соседями, утверждении безупречного статуса и сферы влияния в Ближневосточном регионе.

Исторические события, захлестнувшие арабский континент в 2011 году и получившие продолжение сегодня, существенным образом изменили ситуацию на Ближнем Востоке, повлияли на перестановку сил, разделили региональное пространство на ряд противоборствующих сторон. Уязвимое положение стран, пострадавших из-за массовых движений в период «Арабской весны», переросло в протесты против Турции, бросая тень на внешнюю политику страны, основанную на концепции «ноль проблем с соседями».

Наращение желания занять свое место в «новом арабском мире», продвижение собственной модели умеренной силы в регионе, неизбежность сосуществования с нестабильными соседями в лице Египта, Ливии и Сирии способствовали трансформации внешнеполитического курса страны, в том числе переосмыслению геополитического влияния Турции в Ближневосточном регионе.

В политике турецкого государства мирное отношение с соседями во многом предопределило избегание людских, материальных и территориальных потерь. Еще в 2011 году выступая после победы на выборах, глава Турецкой Республики Реджеп Эрдоган обратился с посланием как ближневосточный лидер ко всем дружественным братским народам из Багдада, Дамаска, Бейрута, Каира, Сараева, Баку и Никосии, заявив, что надежды жертв и угнетенных сбылись, и «Бейрут выиграл так же, как и Измир. Западный берег, Газа, Рамалла, Иерусалим выигра-

ли так же, как и Диярбакыр. Ближний Восток, Кавказ и Балканы выиграли так же, как и Турция» [2]. Таким образом, «Арабская весна» принудила Турцию пересмотреть приоритеты во внешней политике, по-новому определить свое участие в геополитическом влиянии в ближневосточном регионе.

В последнее десятилетие более четко обозначились добрососедские отношения Турции со странами Ближнего Востока, в том числе с Сирией, Ираном и Ливией. Реализация концепции современного курса турецкого правительства привела к тому, что страна постепенно стала отдаляться от политических установок Запада в лице США и нагнетать враждебную ситуацию вокруг Израиля.

Утверждение турецкого фактора в решении внешнеполитических вопросов привело к укреплению внутривосточного статуса страны, способной смело заявить о себе как о региональном игроке, усилить свое геополитическое влияние на ближневосточное пространство. По словам Г. Мирского, «процветающая, набирающая силу Турция уверенным шагом вступает на ближневосточную арену, завоевывая все больше симпатий в первую очередь благодаря тому, что ее возглавляют исламисты, пусть и умеренные. Включившись в борьбу за региональную гегемонию, Турция намерена стать региональным тяжеловесом» [3].

Следует отметить, что Турция направляет свои силы на сохранение стабильного внешнеполитического курса, принимает участие в решении широких проблем по Ближнему Востоку, с уверенностью популяризирует свою позицию в контексте геополитического влияния в регионе. Обеспечение данных приоритетов стало возможным в современный период развития государства некогда принадлежавшего Османской империи.

Как известно, в период XX – начала XXI вв. внешняя политика Турции осуществлялась на основе концепции Мустафы Кемала Ататюрка, приоритетным направлением которой было занять достойное место на Западном континенте,

стать союзницей США и НАТО на Востоке при дальновидном сохранении дружественных отношений с СССР. При этом вначале 90-х гг. Турция столкнулась с новыми условиями миропорядка, ознаменованными окончанием «холодной войны». Это событие повлияло на переход от биполярного мироустройства к постбиполярному с зарождением полицентрической системы в мировой политике и международных отношениях. Процесс изменения акцентов в мировой системе представляет с собой периодизацию событий, породивших, по мнению Д.Б. Малышевой, трансформацию политических сил и приоритетов [4].

В исследовании турецкого фактора в событиях на Ближневосточном регионе важным моментом выступает внешнеполитический курс Турции, направленный на переоценку возможностей страны повлиять на сирийскую проблему, переосмысление амбиций регионального лидера урегулировать сирийский конфликт. Вместе с тем посредством геополитического влияния на Сирию утвердить приоритеты модели нового неоосманизма [5].

Проблема турецкого фактора на Ближнем Востоке представлена в исследованиях различных ученых, аналитиков и специалистов. Ссылки на работы авторов свидетельствуют о роли исторических событий 2011 года, когда существенным образом изменилась ситуация в арабском мире, появились силы, заинтересованные в разделении регионального пространства, активизировались массовые движения повстанцев. События «арабской весны» стали причиной протестов против Турции, была брошена тень на внешнюю политику страны, стремящейся к мирному сосуществованию с соседями.

Следует отметить, что демократические реформы, либеральная политическая жизнь, экономическое развитие – ведущие символы турецкого политического ислама. Тем не менее турецкая модель имеет свои особенные черты, которые не могут быть применены к условиям других ближневосточных стран. По мнению

Хью Поуп, турецкая модель не подходит ни для одного регионального или идеологического блока. В действительности Турция не может служить приемлемой моделью для многих мусульман, которые не в состоянии примирить псевдодемократические практики со своими ожиданиями от демократического режима.

При создавшемся положении возникает потребность в объединении усилий Ирана и Турции против региональной политики Запада, в особенности в лоббировании со стороны США израильских интересов на Ближнем Востоке. Однако Анкара и Тегеран по-разному видят свое участие в судьбе ближневосточного региона, в чем кроется глубокое противоречие между ними, которое может усугубить создание турецко-иранского альянса [6].

Что касается Турции и Израиля, то между этими двумя странами сохраняется напряженность. Еще совсем недавно Израиль видел в лице Турции надежного партнера, с которым можно заключать взаимовыгодные договора и соглашения. Однако реформаторская политика внутри страны предопределила дальнейшее изменение отношения Израиля к Турции. Израильская сторона все больше стала наращивать свои силы против Ирана и собирать вокруг себя сторонников суннитского толка в лице Саудовской Аравии, Египта, ОАЭ и др. По мнению В. Ханина, при создавшемся положении статус Турции постепенно стал отходить на второстепенную позицию, чему способствовала еще и «категоричная антиизраильская риторика, которую Эрдоган должен был неизбежно предъявлять исламскому миру на фоне признания Соединенными Штатами Иерусалима как единой столицы Израиля и других конфликтных вопросов» [7].

Значительна роль Турции в катарском кризисе и в фактической нейтрализации экономической блокады Катара государствами Персидского залива. Турция является гарантом безопасности для Катара. В июне 2017 года парламент Турции принял решение о создании в Катаре военной базы. Она рассчитана на 5000 военно-

служащих и несколько сотен единиц боевой техники. Турция намеревается также разместить боевую авиацию и флот. Катар приобретает значительные партии турецкого вооружения. Как отмечают эксперты, Катар трансформируется в крупнейшего внешнего вкладчика в турецкий ВПК, формированию которого Анкара придает большое значение [8].

Внешняя политика Эрдогана по отношению к Ираку и Сирии сосредоточена больше всего на курдской проблеме. Активное участие Турции в событиях вокруг этих стран направлено на попытки Анкары «перекроить» границы Ирака и Сирии. В Ираке Турция находит поддержку со стороны иракских суннитов и туркоманов (иракских туркмен), традиционно оказывает покровительство опальным иракским политикам-суннитам. Ресурсом влияния Анкары в Ираке служит присутствие там турецкого воинского контингента, ведущего борьбу с рабочей партией Курдистана (РПК). Ослабляет позиции Турции необходимость балансировать между отношениями с центральным правительством и Иракским Курдистаном [9]. Последний остается активным субъектом политики в данном регионе.

Что касается Сирийского Курдистана позиция Эрдогана ясна – уничтожить существующую систему самоуправления в лице лидеров РПК. При этом, чтобы установить свое влияние на Сирию, по крайней мере, следует рассчитывать на расположение Дамаска к себе. А пока Эрдогану удается ограничиться программой минимум, с помощью которой можно будет применить тактику сдерживания независимых автономных сил Курдистана, усилить свой «протекторат» вдоль турецко-сирийских границ. Как утверждают эксперты, при имеющихся шансах «Иран представляет с собой ту региональную силу, с помощью которой можно воздействовать на курдский фактор изнутри» [10].

Между Анкарой и Королевством Саудовской Аравии устойчивая экономическая основа для формирования двусто-

ронных связей не наблюдается. Торгово-экономические отношения воссоздают отрицательную динамику в политической среде. Единый объем торговли после 2012 года уменьшался (с 8 до 5 млрд. долл. в 2016 году). Однако нужно отметить, что совершалось это, прежде всего за счет снижения практически вдвое турецкого импорта из КСА.

Таким образом, с учетом вышеизложенного следует вывод о том, что турецкий фактор на Ближнем Востоке обусловлен геополитическими интересами страны. При этом ключевыми выступают нынешние региональные перемены и учет особенностей каждой страны. Отношения Турции с мусульманскими странами дают значительные преимущества для внешней политики Анкары. Стабильность этого региона воспринимается турецкими политиками как необходимое условие для достижения геополитических устремлений. Однако цель Анкары – расширить свое влияние в арабском мире. Это обуславливает и предприимчивый взгляд на сирийский конфликт. Развитие высокопоставленного по своим военным и финансовым потенциалам суннитского союза с Катаром приводит к конфронтации между Турцией и квартетом (КСА, ОАЭ, Египет, Бахрейн).

Турция все больше ориентируется на страны Ближнего Востока. Турецкое руководство опровергает все заявления о смене вектора развития страны и переориентации с Запада на Восток, называя внешнеполитическую активизацию нормализацией и восстановлением баланса, который был нарушен в период «холодной войны». Турция пытается предложить Ближнему Востоку некую турецкую модель развития, которая позволит соединить демократию и ислам. Турецкая Республика стремится усилить свои региональные позиции на Ближнем Востоке, чему способствует мощный экономический потенциал государства, который имеет тенденцию к увеличению, а также крепкие внешнеполитические связи.

В начале XXI в. активные усилия внешней политики Турции на Ближнем

Востоке были направлены на углубление своего регионального влияния. С этой целью использовался широкий спектр геополитических, экономических, исторических, идеологических и других факторов, способствующих закреплению «особой роли» Турции в ближневосточном регионе. Стремление Анкары к региональному лидерству получило новое концептуальное оформление в стратегии внешней политики правящей исламской Партии справедливости и развития.

Вместе с тем весьма очевидно, что доктрина внешней политики Турции находится на стадии формирования, не-

смотря на ее определенную связь с концепциями, которые можно считать традиционными для внешней политики Турции. Примечательно то, что формирование доктрины связано с поиском вариантов идеологического обоснования региональных претензий. О незавершенности формирования подходов республики к развитию отношений с государствами региона свидетельствуют абсолютно разные, а порой и противоположные оценки внешнеполитических устремлений Турции на Ближнем Востоке не только среди зарубежных аналитиков, но также и внутри турецкого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Davutoğlu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy // Foreign Policy. 2010. May 20. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_freign_policy?page=full
2. Протопапас Д. Геополитические интересы Турции и восстания на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2011. № 10. С. 50-60.
3. Мирский Г.И. Международные отношения на Ближнем Востоке // Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей / Отв. ред. д.п.н. Д.Б. Малышева, к.э.н. А. А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 77-95.
4. Малышева Д.Б. Современная мировая политика в контексте формирования многополюсного мира // Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей / Отв. ред. д.п.н. Д.Б. Малышева, к.э.н. А. А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 9-21.
5. Dede O. Batı'nın Türk Dış Politika Algısı ve 'Yeni Osmanlılık' // BİLGESAM. 2011. 18 Temmuz. URL: http://www.bilgesam.org/tr/index.php?option=com_content&view=article&id=1384:batnn-tuerk-d-politika-algs-ve-yeni-osmanlclik-&catid=168:ortadogu-analizler
6. Osman Çelik Yeni Osmanlılık Projesine Eleştirel Bir Bakış // Haberiniz. 2011. 29 Haziran. URL: <http://y-tm.blogspot.com/2009/12/yeni-osmanlicilik-projesine-elestirisel.html>
7. Majidyar A. Rouhani, Erdogan pledge cooperation, but mutual distrust remains // Middle East Institute. 8.02.2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/rouhani-erdogan-pledge-cooperation-mutual-distrust-remains>
8. Ханин (Зеэв) В. Турецко-израильская «разрядка»: мотивы Анкары // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17296>
9. Butler D., Karadeniz T. Turkey sends Qatar food and soldiers, discusses Gulf tensions with Saudi // ISTANBUL/ANKARA Reuters. 13.06.2017. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-gulf-qatar-turkey-saudi/turkey-sends-qatar-food-and-soldiers-discusses-gulf-tensions-with-saudi-idUKKBN19D0CY>
10. Кобринская И.Я., Вартазарова Л.С., Уткин С.В. Современная Турция: тренды развития и значение для России / Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 54 с.
11. Дюрре М.Э. Курдский вопрос в современных реалиях Ближнего Востока // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. №2(27). С. 13-16.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Davutoğlu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy // Foreign Policy. 2010. May 20. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_freign_policy?page=full

2. Protopapas D. Geopoliticheskie interesy Turcii i vosstaniya na Blizhnem Vostoke // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2011. № 10. S. 50-60.
3. Mirskij G.I. Mezhdunarodnye otnosheniya na Blizhnem Vostoke // *Azija i Afrika v sovremennoj mirovoj politike. Sbornik statej / Otv. red. d.p.n. D.B. Malysheva, k.je.n. A. A. Rogozhin. M.: IMJeMO RAN, 2012. S. 77-95.*
4. Malysheva D.B. Sovremennaja mirovaja politika v kontekste formirovaniya mnogopoljuskogo mira // *Azija i Afrika v sovremennoj mirovoj politike. Sbornik statej / Otv. red. d.p.n. D.B. Malysheva, k.je.n. A. A. Rogozhin. M.: IMJeMO RAN, 2012. S. 9-21.*
5. Dede O. Batı'nın Türk Dış Politika Algısı ve 'Yeni Osmanlılık' // *BİLGESAM*. 2011. 18 Temmuz. URL: http://www.bilgesam.org/tr/index.php?option=com_content&view=article&id=1384:batnn-tuerk-d-politika-als-ve-yeni-osmanlcik-&catid=168:ortadogu-analizler
6. Osman Çelik Yeni Osmanlılık Projesine Eleştirel Bir Bakış // *Haberiniz*. 2011. 29 Haziran. URL: <http://y-tm.blogspot.com/2009/12/yeni-osmanlicilik-projesine-elestirisel.html>
7. Majidyar A. Rouhani, Erdogan pledge cooperation, but mutual distrust remains // *Middle East Institute*. 8.02.2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/rouhani-erdogan-pledge-cooperation-mutual-distrust-remains>
8. Hanin (Zejev) V. Turecko-izrail'skaja «razrjadka»: motivy Ankary // *Institut Blizhnego Vostoka*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17296>
9. Butler D., Karadeniz T. Turkey sends Qatar food and soldiers, discusses Gulf tensions with Saudi // *ISTANBUL/ANKARA Reuters*. 13.06.2017. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-gulf-qatar-turkey-saudi/turkey-sends-qatar-food-and-soldiers-discusses-gulf-tensions-with-saudi-idUKKBN19D0CY>
10. Kobrinskaja I.Ja., Vartazarova L.S., Utkin S.V. Sovremennaja Turcija: trendy razvitija i znachenie dlja Rossii / Pod red. L.S. Vartazarovoj, I.Ja. Kobrinskoj, S.V. Utkina. M.: IMJeMO RAN, 2019. 54 s.
11. Djurre M.Je. Kurdsnij vopros v sovremennyh realijah Blizhnego Vostoka // *Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie*. 2019. №2(27). S. 13-16.

Поступила в редакцию 02.07.2020.

Принята к публикации 06.07.2020.

Для цитирования:

Усманов С.А. Турецкий фактор на Ближнем Востоке // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. №7. С. 173-178. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Usmanov.pdf>